

УДК 94(38)+259.4

**«РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО» —
ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ ЛЕТ СПУСТЯ**

Спивак И. А.

*Таврический национальный университет им. В.И.Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: lspivaq@rambler.ru*

Рассмотрены особенности религиозной политики Александра Македонского на территории Ирана. Впервые в русскоязычной историографии эта проблема была сформулирована в работах Шофмана А.С. Научное творчество Шофмана А.С. пришлось на советскую эпоху и развивалось в ее идеологических рамках. Сегодня, когда со дня рождения ученого исполнилось 100 лет, ощущается необходимость еще раз вернуться к проблеме религиозной политики Александра Македонского и попытаться объективно оценить вклад Шофмана А.С. в ее разработку. Прделанная работа позволяет сказать, что многие идеи, высказанные Аркадием Семеновичем Шофманом тридцать шесть лет назад о религиозной политике Александра Македонского, сохраняют свою научную актуальность. К таковым следует отнести, прежде всего, отказ от идеализации этой политики, связанной с необоснованно преувеличенными зороастрийскими симпатиями македонского царя. Поиск ее причин и особенностей в социально-политических реалиях того времени. Наконец, принципиально важный вывод о том, что религиозная политика Александра Македонского на территории Ирана существенно отличалась от его политики в странах Средиземноморья. К сожалению, узость идеологических рамок советской исторической науки не позволила, ученому ответить на вопрос о причинах этих различий. Не находит подтверждение в источниках тезис о зороастрийском характере антимакедонского движения на востоке Ирана. Сравнительный анализ сообщений античных источников о магах и индийских брахманах не позволяет говорить о преследовании иранских жрецов, в организации которого Александра Македонского обвиняют поздние зороастрийские источники. Зороастризм на территории Ирана к моменту грекомакедонского завоевания не был ни господствующей, ни широко распространенной религией. Население Ирана в большинстве поклонялось древним иранским божествам. Общественно-политическое влияние зороастрийского жречества, в отличие от жрецов Вавилона и Египта, было невелико. Таким образом, позиция македонского царя по отношению к зороастрийскому жречеству определялась не его враждебностью, а тем, какую роль оно играло в ахеменидском Иране.

Ключевые слова: Александр Македонский, зороастризм, религиозная политика, жречество, Шофман А. С.

ВВЕДЕНИЕ

В 2013 году исполнилось 100 лет со дня рождения профессора Казанского университета, доктора исторических наук, Заслуженного деятеля науки Татарстана, за-

ведущего кафедрой всеобщей истории КГУ Аркадия Семеновича Шофмана. Говоря о научной деятельности Аркадия Семеновича и его заслугах перед отечественным антиковедением, нельзя обойти молчанием тот факт, что именно он в рамках советской науки сформулировал вопрос об особенностях религиозной политики Александра Македонского на Востоке. Ее анализ позволил ученому сделать важный вывод о том, что отношения Александра Македонского с восточным жречеством, в основе которых лежало стремление македонского царя упрочить социальную опору своей власти, не оставались неизменными, а прошли несколько этапов эволюции. При этом религиозная политика Александра Македонского на территории Ирана и Индии принципиально отличалась от его политики в странах Средиземноморья. Перелом произошел на территории Ирана, где Александр столкнулся с зороастризмом — самобытной иранской религией откровения [1, с. 112–114]. Этот вывод диктовал необходимость тщательного изучения религиозной политики македонского царя на ее «иранском» этапе.

К исследованию ее особенностей Аркадий Семенович обращался неоднократно. В фундаментальной монографии «Восточная политика Александра Македонского», касаясь зороастрийских текстов (со ссылкой на Пальяро [2, р. 385]) ученый, совершенно справедливо, на наш взгляд, допускает, что зороастрийские обвинения, выдвинутые против Александра, были сформулированы в более позднюю сасанидскую эпоху, под влиянием политической конъюнктуры того времени [3, с. 18]. Здесь же высказывается мысль и о возможных симпатиях македонского царя к древнеперсидскому царскому культу огня [3, с. 239]. Учитывая недостаточную освещенность вопросов, связанных с религиозной политикой Александра на Востоке, Аркадий Семенович вновь вынужден был обратиться к этой теме. В 1977 г. выходит в свет его статья «Религиозная политика Александра Македонского», которая долгое время оставалась единственной в русскоязычной историографии специальной работой на эту тему.

Собственно политике Александра на территории Ирана, включая необходимые замечания о зороастризме в целом, здесь отводится пять страниц [1, с. 114–118]. Высказывая критику в адрес тех исследователей, которые абсолютизируют зороастрийские симпатии Александра, автор еще раз подчеркивает, что религиозная политика Александра в Персии отличалась от его политики по отношению к религиям других стран Востока: «Наши источники сообщают об интересе Александра к египетской религии, индийской мудрости, но в них нет ни малейшего упоминания об отношении Александра к учению Зороастры или об оказании им почестей иранским божествам» [1, с. 116].

Следует отметить, что в анализе ситуации исследователь исходил из следующих важных моментов: во-первых, зороастризм был официальной религией империи Ахеменидов, во-вторых, ко времени Александра эта религия носила ярко выраженный этический характер, в-третьих, зороастрийское жречество оказало серьезное сопротивление греко-македонскому завоеванию Ирана. Последнее сближает взгляды исследователя с высказанной ранее точкой зрения Е.Э. Бертельса: «В ахеменидском Иране духовенство играло очень большую роль. Можно думать, что оно активно выступало против завоевателей. Поэтому удары Александра направлялись

и против него. Священные книги зороастризма систематически уничтожались, храмы огня предавались разрушению, многие сотни духовных лиц погибли, пытаясь защитить свои святыни» [4, с. 11]. Вероятно, идеологическая ангажированность советского времени заставляет Аркадия Семеновича следующим образом ответить на вопрос об особенностях религиозной политики Александра в Иране: «На этот вопрос ответ, на наш взгляд, может быть один – хотел, но не смог. Стремясь идеологически обосновать своё право на власть как преемник Ахеменидов, Александр не мог не искать соглашения с зороастрийским жречеством, но оно на сближение долгое время не шло. Антимакедонское движение, особенно в восточных областях персидского государства, которое нередко принимало религиозную окраску, не оставляло Александру путей примирения с зороастрийским жречеством» [1, с. 116].

1. ЗОРОАСТРИЗМ В АХЕМЕНИДСКОМ ИРАНЕ

Сегодня, спустя тридцать шесть лет после выхода в свет статьи А.С. Шофмана, посвященной религиозной политике Александра Македонского, следует отметить, что многие выводы, сделанные ученым, прошли проверку временем и нашли свое подтверждение в позднейшей историографии, иные, наоборот — подверглись пересмотру и существенным корректировкам.

Так, благодаря ряду исследований [5, с. 18–33; 6, с. 305–343], стало очевидно, что религиозная ситуация в Иране накануне греко-македонского вторжения была далеко не такой однозначной, как это представлялось ранее. Не только учение Заратуштры, но и царский культ Ахурамазды не получили повсеместного признания и распространения. Итогом дискуссии о религиозной ситуации в державе Ахеменидов в русскоязычной историографии стал следующий вывод: «В ахеменидское время в Персии народные массы поклонялись древним иранским божествам, особенно богу Солнца Митре и богине вод и плодородия Анахите. Среди народа культ Ахурамазды, верховного бога царского пантеона, не получил распространения. Именно по этой причине в течение всего ахеменидского периода не засвидетельствованы теофорные имена с Ахурамаздой, в то время как теофорных имен с Митрой очень много... Хотя ахеменидские цари считали своего Ахурамазду самым могущественным богом, они также верили в божества покоренных народов, поклонялись им, стремясь добиться их благожелательного к себе отношения. Поэтому официальный имперский пантеон Ахеменидов включал десятки различных божеств. Все они считались государственными богами различной важности, и всем им приносились жертвы от имени ахеменидских правителей» [7, с. 406]. Такая картина разительно отличается от принятого Аркадием Семеновичем вывода о том, что и Дарий I и Ксеркс были зороастрийцами, а состоявшие при них жрецы-маги были «учениками и последователями Зороастры» [1, с. 114]. Как показали дальнейшие исследования, античные свидетельства о Зороастре и магах, на которые опирался в своих размышлениях ученый, не отражают реального положения дел в империи Ахеменидов. Эти свидетельства следует рассматривать, прежде всего, как памятники античной аретологии — жанра вымышленных биографий «философов-чудотворцев» [8, с. 169]. Сообщения же о самом Заратуштре в античных источниках сегодня рассматриваются в русле педагогического мифа, созданного Платоном [9, с. 147–190]. Таким образом, участие и влияние зороастрийского жречества в общественно-политической

жизни населения Ирана во времена Александра Македонского в советской историографии 70-х годов прошлого века, мягко говоря, было сильно преувеличено. Это, в свою очередь, ставит под сомнение, как обязательно приписываемое Александру стремление «искать соглашения с зороастрийским жречеством», так и участие этого жречества в «антимакедонском движении» народов Ирана. Следует отметить, что зороастрийский, и шире — религиозный, характер антимакедонских выступлений народов Средней Азии не находит своего подтверждения в источниках. Напротив, рассказ Курция Руфа о Кобаре — «мидийце, известном приверженностью к искусству магии» — который вызвал гнев Бесса и перебежал от него к Александру, свидетельствует об обратном (VII, 4, 1–25) [10].

Утверждение о том, что антимакедонские выступления в Бактрии и Согдиане имели зороастрийскую окраску, так или иначе, связано с допущением, основанным на поздних зороастрийских текстах, о терроре, который якобы развязал Александр Македонский по отношению к зороастрийскому жречеству. Подобные утверждения строятся на допущении о неполноте наших источников [11, с.261]. Ярким примером подобного подхода может служить монография М. Бойс и Ф. Грене, в которой авторы, разделяя взгляд зороастрийской традиции на то, что Александр убивал жрецов, вынуждены прибегать к выражениям: «может быть», «весьма вероятно», «по аналогии с...» и т.п., чтобы заполнить молчание источников [12, р. 14–15]. Повторим, что: ни в одном дошедшем до нас тексте, кроме достаточно поздних зороастрийских источников, нет указаний не только на враждебное отношение Александра к магам, но и на враждебное отношение магов к Александру.

2. АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ И БРАХМАНЫ

Главным аргументом, снимающим обвинение с античных авторов в предвзятости и неполноте, является то, что они, ничего не сообщая об убийстве магов, открыто говорят о репрессиях Александра по отношению к индийским брахманам [11, с. 309]. «Он взял и другой город, восставший в это время, а брахманов (это индийские мудрецы), зачинщиков этого восстания, велел казнить» (Арриан, VI, 16, 5) [13]. «Не меньше хлопот доставили Александру индийские философы, которые порицали царей, перешедших на его сторону, и призывали к восстанию свободные народы. За это многие из философов были повешены по приказу Александра» (Плутарх, Александр, LIX) [14]. В другом месте Плутарх сообщает, что Александр, схватив брахманов с целью казнить, устроил между ними состязание, заставив их отвечать на вопросы, после чего отпустил их (Плутарх, LXIV–LXV) [14]. О бедствиях, постигших брахманов, сообщает Диодор (XVII, 102) [15].

Наряду с этим широко известны рассказы о благожелательном отношении Александра к индийским мудрецам (Арриан, VII, 1–2; Страбон, XV, I, 61, 63–64, 68) [13; 16]. Сюжет о встрече Александра с индийскими мудрецами впоследствии получил широкое распространение [17, с. 7; 18, с. 48]. Здесь, вероятно, следует учесть тот факт, что в античной традиции нашло отражение существование двух основных религиозно-философских направлений в духовной жизни Индии – реформаторского (*Σαρμάναι*) и ортодоксального (*Βραχμάναι*) [19, с. 192]. Вероятно, репрессии Александра были направлены, прежде всего, против тех философов, которые находились наиболее близко к государственной власти. Из рассказа Нearchа следует, что: «Часть

брахманов занималась государственными делами, сопровождая царей в качестве советников (Страбон, XV, 1, 66) [16]. На фоне столь подробных сообщений источников о дифференцированном отношении Александра к представителям различных религиозно-философских направлений Индии еще более загадочно выглядит их скупость в отношении персидских магов. М. Бойс и Ф. Грене полагают, что причина этого в большом уважении, которое испытывали эллины к магам, а потому вполне понятно нежелание античных авторов акцентировать внимание на противоречиях между Александром и магами [12, р. 15]. Такое объяснение предполагает неуважительное отношение эллинов к индийским мудрецам. Так ли это? Источники свидетельствуют о том, что для античных авторов не существовало принципиальной разницы между персидскими магами и индийскими мудрецами.

Уже Страбон писал: «Действительно, индийские философы общаются с царями, наставляя их в почитании богов подобно магам у персидских царей» (XV, 1, 68) [16]. Еще более показательно высказывание Диогена Лаэртского о начале философии: «...у персов были их маги, у вавилонян и ассириян – халдеи, у индийцев – гимнософисты, у кельтов и галлов – так называемые друиды и семнофеи» (I, 1) [20]. «Дион Хрисостом, упрекая своих соотечественников, всячески превозносит обычаи индийцев как самого счастливого на земле народа. Индийские брахманы, по его словам полны справедливости и любви к божественному, они владеют источником истины» [19, с. 198]. Флавий Филострат в «Жизнеописании Аполлония Тианского» дает еще более лестные отзывы о мудрости брахманов (II, 27, 33; III, 15; VI, 11) [21, с. 198]. Особенно важно, что сочинение Флавия Филострата, учитывая его жанровую особенность, отразило наиболее распространенные представления античного мира. С этой точки зрения показателен отрывок, в котором повествуется о встрече Аполлония с главой брахманов Иархом: «Прочитавши послание, Иарх спросил: «Что вы, эллины, думаете о нас, Аполлоний?» «Стоит ли спрашивать, – ответствовал тот, – когда именно ради вас совершил я путешествие, в какое доселе не пускался ни один мой соотечественник?» – «О чем же, по-твоему, знаем мы лучше тебя?» – «Я полагаю, что мудрость ваша божественнее и совершеннее, а потому, даже если не узнаю от вас ничего для себя нового, то, по крайней мере, пойму, что ничему больше учиться не должен» (III, 16) [21]. О равнозначности в глазах Плотина мудрости магов и индийцев свидетельствует Порфирий: «С этого дня он уже не отлучался от Аммония и достиг в философии таких успехов, что захотел познакомиться и с тем, чем занимаются у персов, и с тем, в чем преуспели индийцы» (Жизнь Плотина, 3) [22]. Наконец, Аммиан Марцеллин сообщает о зависимости учения магов от учений индийских мудрецов: «В древние времена многое из этой науки значительно распространил из халдейских тайных учений бактриец Зороастр, затем царь Гистасп, мудрейший отец Дария. Смело проникнув в неведомые области верхней Индии, прибыл Гистасп в уединенное лесное место, в спокойной тишине которого жили только брахманы, обладатели возвышенной мудрости. Под их руководством он постиг, насколько был в силах, законы мирового движения, течения звезд и чистые обряды священнодействий. Из того, что он усвоил, передал он кое-что магам, а эти последние из поколений в поколение передают это дальнейшим векам вместе с наукой предугадывания будущего» (XXIII, 6, 32–33) [23]. Из сказанного ясно, что среди

эллинов мудрецы Индии пользовались ничуть не меньшим уважением, чем персидские маги.

Таким образом, мы вынуждены вновь вернуться к вопросу о молчании наших источников по поводу тех преследований, которым Александр якобы подверг магов. Объяснить это молчание можно, если признать, что никакой политики, направленной на уничтожение зороастрийского жречества, Александр не проводил. Истоки легенд об уничтожении Александром магов, а, следовательно, и историографических мифов о зороастрийском характере антимакедонских выступлений народов Ирана, следует искать в сасанидских реалиях, когда зороастрийскому жречеству потребовалось историческое обоснование своего привилегированного положения.

3. ЗОРОАСТРИЙСКИЕ СИМПАТИИ АЛЕКСАНДРА

Вместе с тем, следует отметить, что анализируя религиозную политику Александра Македонского в Иране в идеологических рамках советской исторической науки, Аркадий Семенович Шофман подверг объективной критике миф о зороастрийских симпатиях македонского царя. «Надуманым следует считать мнение Ф. Альтхайма о том, что Александр отправился на Восток, чтобы постичь духовное наследие Зороастры, которое он затем поведал миру» [1, с. 116]. Перспективной представляется и высказанная ученым идея о личном неприятии македонским царем основных принципов зороастрийской религии: «Религиозное сознание Александра не могло понять и признать отвлеченный и этический характер зороастризма» [1, с.116]. Однако в этом случае, речь, на наш взгляд, должна идти не столько о догматических различиях между религией Александра и зороастризмом, сколько о непримиримых противоречиях в ритуальной практике эллинской и иранской традиций. В известном смысле, как эллины, так и иранцы, у которых источники фиксируют ритуальные элементы зороастризма, должны были испытать культурный шок от знакомства с религиозной практикой друг друга [24, с. 383–400].

Не менее взвешено А. С. Шофман подошел к анализу сообщения Арриана о событиях в Описе. По словам Арриана, Александр, справившись с мятежом в войсках, устроил пиршество в городе Опис: «Александр за это принес жертву богам, какие у него были в обычае, и устроил пиршество для всех, за которым сидели: он сам, вокруг него македонцы, рядом с ним персы, а за ними прочие иноплеменники, чтимые за свой сан или какие-либо заслуги. Александр и его сотрапезники черпали из одного кратера и совершали одинаковые возлияния, которым предшествовали обрядовые действия, совершаемые эллинскими прорицателями и магами. Молились о ниспослании разных благ и о согласии и единении царств македонского и персидского» (Арриан, VII, 11, 8–9) [13]. Совершенно справедливыми представляются комментарии ученого по поводу того, что у нас нет оснований вслед за А. Пальяро расширительно толковать слова ὁμόνοια (единомыслие, согласие) и κοινονία (общность, соединение), а также относительно того, что: «маги по религиозным причинам не могли совершать иного возлияния, кроме как по правилам своих обрядов и в честь своего божества [1, с. 117]. Действительно, вопреки рассказу Геродота, согласно которому у персов «нет ни возлияний, ни игры на флейте...» (I, 132) [25], о жертвенной практике возлияний у магов известно из текста Страбона, который говорит, что маги: «...произносят заклинания, совершая при этом возлияния оливковым мас-

лом, смешанным с молоком и медом, но не в огонь или воду, а на землю» (XV, III, 14) [16]. Таким образом, и во время совместного жертвоприношения, по крайней мере, в религиозном отношении иранцы оставались иранцами, а эллины эллинами, никакого единения, в смысле принятия чужих религиозных доктрин и обрядов не происходило. Этот вывод соответствует современным представлениям об Александре, в рамках которых исследователи отказались от идеализации политики македонского царя, направленной якобы на единение и братство народов [26, р. 1–21].

ВЫВОДЫ

Подводя итог, следует еще раз отметить, что многие идеи, высказанные Аркадием Семеновичем Шофманом тридцать шесть лет назад о религиозной политике Александра Македонского, сохраняют свою научную актуальность. К таковым, по нашему мнению, следует отнести, прежде всего, отказ от идеализации этой политики, связанной с необоснованно преувеличенными зороастрийскими симпатиями македонского царя. Поиск ее причин и особенностей в социально-политических реалиях того времени. Наконец, принципиально важный вывод о том, что религиозная политика Александра Македонского на территории Ирана существенно отличалась от его политики в странах Средиземноморья. К сожалению, узость идеологических рамок советской исторической науки, на наш взгляд, не позволила, ученому ответить на вопрос о причинах этих различий. Дело не в том, что антимакедонские выступления на востоке Ирана носили зороастрийскую окраску. И, даже не в том, что анализ источников позволяет говорить о трех линиях поведения бактрийской и согдийской знати по отношению к Александру, среди которых только одна отличается враждебностью и непримиримостью [27, с. 154]. Важнее другое, зороастризм на территории Ирана к моменту греко-македонского завоевания не был ни господствующей, ни широко распространенной религией. Общественно-политическое влияние зороастрийского жречества, в отличие от жрецов Вавилона и Египта, было невелико. Строго говоря, Александр Македонский не мог долгое время достигнуть соглашения с ним, потому, что в таком соглашении, с его точки зрения, не было смысла.

Список использованных источников и литературы

1. Шофман А.С. Религиозная политика Александра Македонского / А. С. Шофман // ВДИ. – 1977. – № 2. – С. 111–121.
Shofman A.S. Religioznaja politika Aleksandra Makedonskogo / A. S. Shofman // VDI. – 1977. – № 2. – S. 111–121.
2. Pagliaro A. Alessandro Magno / A. Pagliaro. – Torino, 1960. – 401 p.
3. Шофман А.С. Восточная политика Александра Македонского / А. С. Шофман. – Казань : изд-во Казанского ун-та, 1976. – 520 с.
Shofman A.S. Vostochnaja politika Aleksandra Makedonskogo / A. S. Shofman. – Kazan' : izd-vo Kazanskogo un-ta, 1976. – 520 s.
4. Бертельс Е. Э. Роман об Александре и его главные версии на Востоке / Е. Э. Бертельс. – М. ; Л. : изд-во АН СССР, 1948. – 186 с.
Bertel's E. Je. Roman ob Aleksandre i ego glavnye versii na Vostoke / E. Je. Bertel's. – М. ; Л.: izd-vo AN SSSR, 1948. – 186 s.
5. Дандамаев М. А. Новые данные о религии в Персии на рубеже VI – V вв. до н. э. / М. А. Дандамаев // ВДИ. – 1974. – № 2. – С. 18–33.

- Dandamaev M. A. Novye dannye o religii v Persii na rubezhe VI–V vv. do n. je. / M. A. Dandamaev // VDI. – 1974. – № 2. – S. 18–33.
6. Дандамаев М. А. Культура и экономика Древнего Ирана / М. А. Дандамаев, В. Г. Луконин. – М. : Наука, 1980. – 416 с.
- Dandamaev M. A. Kul'tura i jekonomika Drevnego Irana / M. A. Dandamaev, V. G. Lukonin. – M. : Nauka, 1980. – 416 s.
7. Дандамаев М. А. Месопотамия и Иран VII–VI вв. до н. э. : социальные институты и идеология / М. А. Дандамаев ; Факультет филологии и искусств СПбГУ.— СПб., 2009. – 512 с.
- Dandamaev M. A. Mesopotamija i Iran VII–VI vv. do n. je. Social'nye instituty i ideologija / M. A. Dandamaev. – SPb.: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU, 2009.—512 s.
8. Желтова Е. В. Черты ареталогического жанра в античной традиции о персидских магах / Е. В. Желтова // Вестник СПбГУ : сер. 2. – 1993. – Вып. 1, № 2. – С. 68–73.
- Zheltova E.V. Cherty aretalogicheskogo zhanra v antichnoj tradicii o persidskih magah / Zheltova E.V. // Vestnik SPbGU : ser. 2. – 1993. – Vyp. 1, № 2. – S. 68–73.
9. Абдуллаев Е. В. Идеи Платона между Элладой и Согдианой : очерки ранней истории платонизма на Среднем Востоке / Е. В. Абдуллаев. – СПб. : Алетейя, 2007. – 320 с.
- Abdullaev E. V. Idei Platona mezhdju Jelladoj i Sogdianoj : ocherki rannej istorii platonizma na Srednem Vostoke / E.V. Abdullaev. – SPb. : Aletejja, 2007. –320 s.
10. Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. прил. : Сочинения Диодора, Юстина, Плутарха об Александре / Руф Квинт Курций / отв. ред. А. А. Вигасин. – М. : изд-во МГУ, 1993. – 464 с.
- Kvint Kurcij Ruf. Istorija Aleksandra Makedonskogo. Pril. : Sochinenija Diodora, Justina, Plutarha ob Aleksandre / Ruf Kvint Kurcij / отв. red. A. A. Vigin. – M. : izd-vo MGU, 1993. – 464 s.
11. Гафуров Б. Г. Александр Македонский и Восток / Б. Г. Гафуров, Д. И. Цибукидис. – М. : Наука, 1980. – 456 с.
- Gafurov B. G. Aleksandr Makedonskij i Vostok / B. G. Gafurov, D.I. Cibukidis. – M. : Nauka, 1980. – 456 s.
12. Boyce M. A History of Zoroastrianism / M. Boyce, F. Grenet.– Leiden; New York; Köln : E. J. Brill, 1991. – Vol. 3: Zoroastrianism under Macedonian and Roman rule. – 596 p.
13. Арриан Флавий. Поход Александра / Флавий Арриан ; пер. М. Е. Сергеевко. – М. : Миф, 1993. – 272 с.
- Arrian Flavij. Pohod Aleksandra / Flavij Arrian ; per. M. E. Sergeenکو. – M. : Mif, 1993. – 272 s.
14. Плутарх. Александр и Цезарь / Плутарх // Плутарх. Избр. жизнеописания : в 2 т. / пер. М. Ботвинника и И. Перельмутера. – М. : Правда, 1987. – Т. 2. – С. 361–436.
- Plutarh. Aleksandr i Cezar' / Plutarh // Plutarh. Izbr. zhizneopisanija : v 2 t. / per. M. Botvinnika i I. Perel'mutera. – M. : Pravda, 1987. – T. 2. – S. 361–436.
15. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Кн. 17 / Диодор ; пер. М.Е. Сергеевко // Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. Прил. : Сочинений Диодора, Юстина, Плутарха об Александре / отв. ред. А. А. Вигасин. – М. : изд-во МГУ, 1993. – С. 276–347.
- Diodor Sicilijskij. Istoricheskaja biblioteka. Kn. 17 / Diodor ; per. M.E. Sergeenکو // Kvint Kurcij Ruf. Istorija Aleksandra Makedonskogo. Pril.: Sochinenij Diodora, Justina, Plutarha ob Aleksandre / отв. red. A.A. Vigin. – M. : izd-vo MGU, 1993. – S. 276–347.
16. Страбон. География / Страбон ; пер., ст. и комм. Г. А. Стратановского ; под общ. ред. С. Л. Утченко : в 17 кн.. – М. : Ладомир, 1994. – 944 с.
- Strabon. Geografija: v 17 kn. / Strabon ; per., st. i komm. G. A. Stratanovskogo ; pod obshh. red. S. L. Utchenko. – M. : Ladomir, 1994. – 944 s.
17. Бонгард-Левин Г. М. Индия в античной литературе / Г. М. Бонгард-Левин // Бонгард-Левин Г. М. Индия и античный мир / Г. М. Бонгард-Левин, М. Д. Бухарин, А. А. Вигасин. – М. : Восточная литература, 2002. – С. 4–16.
- Bongard-Levin G. M. Indija v antichnoj literature / G. M. Bongard-Levin // Bongard-Levin G. M. Indija i antichnyj mir / G. M. Bongard-Levin, M. D. Buharin, A. A. Vigin. – M. : Vostochnaja literatura, 2002. – S. 4–16.
18. Костюхин Е. А. Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции / Е. А. Костюхин. – М.: Наука, 1972. – 160 с.

- Kostjuhin E. A. Aleksandr Makedonskij v literaturnoj i fol'klornoj tradicii / E. A. Kostjuhin. – M. : Nauka, 1972. – 160 s.
19. Бонгард-Левин Г. М. Религиозно-философские течения древней Индии и античные свидетельства / Г. М. Бонгард-Левин // Бонгард-Левин Г. М. Индия и античный мир / Г. М. Бонгард-Левин, М. Д. Бухарин, А. А. Вигасин. – М. : Восточная литература, 2002. – С. 191–203.
- Bongard-Levin G. M. Religiozno-filosofskie techenija drevnej Indii i antichnye svidetel'stva / G. M. Bongard-Levin // Bongard-Levin G. M. Indija i antichnyj mir / G. M. Bongard-Levin, M. D. Buharin, A. A. Vigin. – M. : Vostochnaja literatura, 2002. – S. 191–203.
20. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский ; пер. М. Л. Гаспарова ; под общ. ред. А. Ф. Loseva. – М. : Мысль, 1979. – 620 с.
- Diogen Lajertskij. O zhizni, uchenijah i izrechenijah znamenityh filosofov / Diogen Lajertskij ; per. M. L. Gasparova ; pod obshh. red. A. F. Loseva. – M. : Mysl', 1979. – 620 s.
21. Филострат Флавий. Жизнь Аполлония Тианского / Флавий Филострат ; пер., ст., прим. Е. Г. Рабинович. – М. : Наука, 1985. – 328 с.
- Filostrat Flavij. Zhizn' Apollonija Tianskogo / Flavij Filostrat ; per., st., prim. E. G. Rabinovich. – M. : Nauka, 1985. – 328 s.
22. Порфирий. Жизнь Плотина / Порфирий // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. М. Л. Гаспарова ; под общ. ред. А. Ф. Loseva. – М. : Мысль, 1979. – С. 462–476.
- Porfirij. Zhizn' Plotina / Porfirij // Diogen Lajertskij. O zhizni, uchenijah i izrechenijah znamenityh filosofov / per. M. L. Gasparova ; pod obshh. red. A. F. Loseva. – M. : Mysl', 1979. – S. 462–476.
23. Марцелин Аммиан. Римская История / Аммиан Марцелин / пер. Ю. Кулаковского, А. Сони, Л. Лукомского. – СПб. : Алетейя, 1994. – 559 с.
- Marcellin Ammian. Rimskaja Istorija / Ammian Marcellin / Per. Ju. Kulakovskogo, A. Soni, L. Lukomskogo. – SPb. : Aletejja, 1994. – 559
24. Спивак И. А. Зороастрийские «симпатии» Александра / И. А. Спивак // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Крымское отд. Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины (МАИЭТ). – Симферополь, 2007. – Вып. 13. – С. 383–400.
- Spivak I. A. Zoroastrijskie «simpatii» Aleksandra / I. A. Spivak // MAIJeT. – Simferopol', 2007. – Вып. 13. – С. 383–400.
25. Геродот. История / Геродот / пер. и прим. Г. А. Стратановского. – М. : Ладомир, 1993. – 600 с.
- Gerodot. Istorija / Gerodot / per. i prim. G. A. Stratanovskogo. – M. : Ladomir, 1993. – 600 s.
26. Bosworth A. B. Alexander and the Iranians / A. B. Bosworth // The Journal of Hellenic Studies. Vol. 100. – 1980. – P. 1–21.
27. Ртвеладзе Э. В. Александр Македонский в Бактрии и Согдиане / Э. В. Ртвеладзе. – Ташкент, 2002. – 182 с.
- Rtveladze Je. V. Aleksandr Makedonskij v Baktrii i Sogdiane / Je. V. Rtveladze. – Tashkent, 2002. – 182 s.

Спивак І. О. «Религіозна політика Александра Македонського» — тридцять шість років потому / І. О. Спивак // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 1. – С. 167–177.

Стаття присвячена особливостям релігійної політики Олександра Македонського на території Ірану. Уперше в російськомовній історіографії ця проблема була сформульована в роботах А. С. Шофмана Наукова творчість Шофмана А.С. прийшла на радянську епоху та получила розвиток в її ідеологічних рамках. Сьогодні, коли від дня народження вченого здійснилося 100 років, відчувається необхідність ще раз повернутися до проблеми релігійної політики Олександра Македонського й спробувати об'єктивно оцінити внесок Шофмана А.С. у її розробку. Зроблена робота дозволяє сказати, що багато ідей, які були висловлені Аркадієм Семеновичем Шофманом тридцять шість років тому про релігійну політику Олександра Македонського, зберігають свою наукову актуальність. До таких варто віднести, насамперед, відмову від ідеалізації цієї політики, що було пов'язано з необгрунтовано перебільшеними зороастрийськими симпатіями македонського царя. Пошук її причин та особливостей у соціально-політичних реаліях того часу. Нарешті, принципово важливий висновок про те, що релігійна політика Олександра Македонського на території Ірану відрізнялася від його політики в країнах Середземномор'я. На жаль, вузькість ідеологічних рамок радянської історичної

науки не дозволила, вченому відповісти на запитання про причини цих розходжень. Не знаходить підтвердження в джерелах теза про зороастрийськом характері антимакедонського руху на сході Ірану. Порівняльний аналіз повідомлень античних джерел про магів й індійських брахманів не дозволяє казати про переслідування іранських жерців, в організації якого Олександра Македонського обвинувачують пізні зороастрийські джерела. Зороастризм на території Ірану в часи греко-македонського завоювання не був ні пануючою, ні широко розповсюдженою релігією. Населення Ірану в більшості поклонялося старим іранським божествам. Суспільно-політичний вплив зороастрийського жрецтва, на відміну від жерців Вавилону і Єгипту, було невеликим. Таким чином, позиція македонського царя стосовно зороастрийського жрецтва визначалася не його ворожістю, а тим, яку роль воно грало в ахемідському Ірані.

Ключові слова: Олександр Македонський, зороастризм, релігійна політика, жрецтво, А. С. Шофман.

Spivak I. A. «Religious policy of Alexander Makedonian» — thirty six years later / I. A. Spivak // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1. – P. 167–177.

This article is devoted to the features of religious policy of Alexander Macedonian on territory of Iran. First in Russian-language historiography this problem was formulated by the Shofman's works, which a researcher should apply on regular basis. For a long time the article of this scientist «Religious policy of Alexander Makedonian» - the main work on this theme published in «Announcer of ancient history» published in 1977, remained in Russian historiography as a special unique research. The scientific search of Shofman was held during soviet epoch and was developed in its ideological limits. Today, when we celebrate 100 anniversary of this scientist, we feel necessity to back to the problem of religious policy of Alexander Macedonian and to try objectively estimate the Shofman's contribution of its development. It should be noted that the researcher in his analysis of situation used the following important moments: at first, Zoroaster was official religion of the Achaemenid empire, secondly, in Alexander's time this religion was of brightly expressed ethic character, thirdly, Zoroaster's priestess offered serious resistance to the Greek-Macedonian conquest of Iran. This work do allows us to say that many ideas of religious policy of Alexander Macedonian outspoken by Arkadiy Shofman thirty six years ago keep their scientific actuality. First of all, it's the declining of this policy idealization connected with the groundlessly exaggerated Zoroaster sympathies of Macedonian tsar. Next - searching policy reasons and features in that time socio-political realities. And finally here is principle important conclusion that the religious policy of Alexander Macedonian in Iran substantially differed from his policy in the Mediterranean countries. Unfortunately, narrowness of ideological limits of soviet history science not permits to the scientist to answer a question about the reasons of these distinctions. He supposed that the main one was in resistance of east Iran people often has adopted the religious (Zoroaster) colouring. Thus this, as considered scientist, long time hindered to rapprochement of Alexander Macedonian with Zoroaster priestess, where he aimed as the Achaemenid's heir. It should be noted that a thesis that Zoroaster character of antimacedonian motion of Iran east have no confirmations in sources. Vice versa, there are reports of transition of some magicians on the side of Greek-Macedonian conquerors of ancient authors. It is important to underline that on Iran's east noblemen not everyone was against Macedonian tsar, many passed for his side. The comparative analysis of ancient sources about magicians and Indian brahmanah does not allow us to speak about pursuit of the Iranian priests, although Alexander Macedonian was accused in it by late Zoroaster sources. Otherwise it is impossible to explain their silence of Zoroaster priestess repressions, with a background numerous recitals of Macedonian tsar relationship with Brahmins. Thus should be noted with circumstance that most ancient authors suppose isometric «wisdom» of Brahmins and magicians, and some even asserted, that wisdom of magicians came from India. Thus there are no grounds to consider that antimacedonian risings in Iran had religious colouring. We suppose that the features of religious policy of Alexander Macedonian in Iran could be explained with the religious situation held in Achaemenid state. Today situation is considered little different than in 1970-s when most researchers were sure that Zoroaster religion widespread in Iran on the eve of Greek-Macedonian conquest of country, and that influence of Zoroaster priestess was very substantial. To the moment of Greek-Macedonian conquest Zoroaster religion on territory was not religion neither dominating, nor wide-spread in Iran. The population in majority worshiped to the ancient Iranian deities in Iran. Zoroaster priestess social and political influencing, unlike the priests of Babylon and Egypt, was small. The critical study of ancient tradition about magicians helped to overestimating of the religious situation in Achaemenid's

Iran. As researches showed, ancient certificates about Zoroastre and magicians not reflected the Achaemenid Empire's situation, which most scientists of the last century used in their works. It is necessary to suppose these certificates, foremost, as monuments of ancient aretology – genre of the invented biographies of «philosophers-magicians». The reports about Zoroaster in ancient sources today are examined in a flow of the pedagogical myth created by Plato. From other side, the analysis of Persian documents also does not ground to speak about the Zoroaster study and Zoroaster rite general distribution in Iran IV c. A.C. The idea outspoken by the scientist about the Macedonian tsar personal non-acceptance of Zoroaster religion looked very perspective. However in this case, the main idea goes, on our opinion, on irreconcilable contradictions in sacral practice of Hellenic and Iranian traditions, but not about dogmatic distinctions between religions of Alexander and Zoroaster. Both the funeral ceremonies of Zoroaster and consuetude of blood-relative marriages were deeply strange to Hellenic consciousness. And Zoroastrers protested of practical worker of the Hellenic offering, when a fire was «desecrated» with the killed animals. That is why both Hellenes and Iranians which used the sacral elements of Zoroaster should experience cultural shock from the acquaintance of each other religious practice. That is why we should consider that Macedonian tsar position to Zoroaster priestess was determined by not by his hostility, but because of insignificant role of it in Achaemenid's Iran. Probably for a long time a Macedonian tsar did not see the special sense in rapprochement with it. Also we should consider that this rapprochement was impossible because of hellenes and Iranians non-acceptance of sacral practice elements of each other. A situation could be changed after the Indian expedition of Alexander Macedonian, which is related both to the unwillingness of Greek-Macedonian troops to go far to east and with their revolt on the Mesopotamia territory. Touching Zoroastrian texts Arkadiy Shofman quite well notes his opinion that most accusations against Alexander were formulated in late Sasanian epoch, under influencing of that time political state, when Zoroaster religion got universal confession on territory of Iran indeed, and Zoroaster priestess was required ground for the dominating position.

Keywords: Alexander Makedonsky, zoroastrizm, religious policy, priestism, Shofman Arkadiy.

Поступила в редакцию 01.11.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н., проф. А. И. Айбабин

д.и.н., проф. Э. Б. Петрова